

Не числом, а умением

«Трупам форма не нужна», — мрачно говорит бизнесмен Константин Паршин, русский из Днепропетровска, с весны прошлого года воюющий за Украину на Донбассе.

К столь жесткому выводу Паршин пришел, столкнувшись с отсутствием боевой подготовки солдат и офицеров ВСУ, которую не в состоянии компенсировать любая, даже самая современная экипировка.

В первые же дни конфликта выяснилось, что многие бойцы просто не умеют правильно держать автомат, среди них — даже спецы из морской пехоты и ВДВ. На свои деньги и пожертвования волонтеров Паршин создал центр подготовки Patriot, через который за полгода прошли сотни украинских солдат и офицеров, воюющих в зоне АТО.

Они сидят передо мной — русский, грузин и двое израильтян — люди, для которых Patriot давно стал Патріотом.

— Мы не собирались заходить так далеко, — говорит К. — молодой религиозный еврей родом из бывшего СССР, служивший в одном из элитных подразделений Армии обороны Израиля и последнее время живущий в Украине. — Мне небезразлична эта страна, и первый порыв был — просто дать профессиональные рекомендации армии, которая последние четверть века не воевала и к войне не готовилась. Используя старые связи, я обратился к соотечественникам, создававшим (при участии экс-главы Моссада) Пешмерга — курдскую армию в иракском Курдистане и тренировавшим бойцов спецназа по всему миру. Они абсолютно бесплатно написали концепцию формирования эффективного разведбата с поправкой на украинские реалии. Все это было с

порога отвергнуто Министерством обороны Украины, со ссылкой на советский устав семидесятых годов, согласно которому это должно происходить совсем не так, включая назначение директора клуба и т.п.

— Поэтому было решено влиять на систему снаружи — готовить подразделения ВСУ при помощи зарубежных инструкторов, сотрудничающих с Patriot, — говорит Паршин. — Мы привлекли бывших высокопоставленных грузинских военных, например, экс-начальника генштаба Георгия Каландадзе, его зама Мераба Кикабидзе, командира антитеррористического центра Мамуку Абашидзе, начальника департамента военной разведки Грузии Ираклия Курасбедиани и, разумеется, израильских инструкторов. На сегодняшний день есть два учебных центра — в Северодонецке и под селом Гвардейское Днепропетровской области. Ну и, разумеется, время от времени наши люди выезжают в то или иное подразделение и тренируют ребят на месте.

Скажу сразу — сражаться приходится на два фронта — никто не готов к глубоким реформам в армии. Генералы, годами перекладывавшие бумажки, сейчас должны воевать, а они этого не умеют и боятся обнаружить свою некомпетентность. Зачем мне — человеку гражданскому, бизнесмену, да еще и русскому — все это надо? Да потому, что если мы сейчас проиграем, то Украина перестанет существовать как независимое государство, а в еще одном воплощении РФ я жить не смогу...

— Прожив в Израиле 10 лет, я приехал в январе 2014-го в Киев, когда обстановка здесь стала накаляться, — вступает в разговор В., прошедший за годы службы в бригаде «Гивати» многие горячие точки — от сектора Газа до ливано-израильской границы. — Просто взял на работе отпуск и прилетел поддержать друзей, стоявших на Майдане, — свою еврейскую компанию, с которой был когда-то в летних лагерях, участвовал в семинарах. После столкновений 18-20 февраля друзья-волонтеры начали собирать деньги на лечение в Израиле раненых, а я помогал устраивать этих искалеченных ребят в израильские клиники. А потом началась война, и после Волновахи я снова взял отпуск в своей фирме, прилетев сюда уже надолго — тренировать солдат ВСУ. Это в какой-то мере мой долг, в Украине я не служил, как и большинство моих одноклассников, да и зачем — красить заборы и копать огороды

полковникам? Сегодня все изменилось, к тому же у меня здесь живут родители — это и моя страна.

— *Георгий, но вы-то подобных сантиментов не испытываете, не будучи связаны с Украиной ни происхождением, ни семейной историей,* — обращаюсь я к молодому грузинскому генералу.

— Конечно, но при этом я хорошо понимаю, что у нас общий враг, и если мы его здесь и сейчас не остановим — будущее независимой Грузии тоже под большим вопросом.

— Что касается меня, то Россия мне никогда не была врагом, тем более, она не враг Израиля, — подхватывает тему К. — Но я много лет живу в Украине, и когда после начала войны на Донбассе, люди из МВД обратились ко мне с просьбой натаскать их бойцов, я подготовил программу по антитеррору и... был шокирован, увидев, что они вообще ничего не умеют, даже в рамках базовой пехотной подготовки, отправляясь прямо в пекло с большой вероятностью оттуда не вернуться. За все это время я не видел ни одного подразделения, даже элитного, равного по уровню подготовки простой израильской пехоте. Максимум, чему их учат, это статичная стрельба или абсолютно нерелевантные вещи вроде кувырков с одновременной стрельбой — это хорошо для съемочной площадки, но не для передовой.

Поэтому мне кажется очень важным то, что мы делаем, — прошу прощения за пафос, иногда спасая ребят от смерти. Всего неделю я тренировал одну из рот батальона ВДВ, дал элементарный базовый курс — передвижение, вынос раненых и т.п. — и это единственная рота, из державших оборону Донецкого аэропорта, где никто не погиб, остальные понесли потери. Мне потом писали и звонили эти ребята — и то, как они благодарили, дорогого стоит.

Есть еще один принципиальный для меня аспект. Я в режиме реального времени вижу, как трансформируются отношения между еврейским и украинским народами. Вижу, как уважение ко мне переносится на всех евреев страны.

Однажды мы тренировали одно из подразделений, и мой помощник — этнический украинец — услышал, что у кого-то из солдат в пылу спора проскочило «еврейские штучки». Он (а не я, который вообще этого не слышал) поднял жуткий скандал, солдат полчаса оправдывался... Отношения на

уровне массового сознания очень изменились — на это влияет и то, что мы делаем, и активность местных волонтеров-евреев, а также многих израильтян, присылающих, например, медикаменты и кровоостанавливающие бинды для украинских солдат.

Когда 600 человек стоят на плацу и видят инструктора в кипе, — для них это шок, но шок положительный. Хотя утром, когда я в казарме молюсь в талите и тфиллине, — это с каждым днем вызывает все меньше удивления. Иногда, впрочем, задают вопросы — от наивных до вполне разумных и адекватных.

— Тяжело соблюдать традиции в такой обстановке?

— Привык. Во-первых, в шабат я никого не тренирую, как, кстати, и грузины, которые с пониманием отнеслись к соблюдению еврейского закона, а с нами отдыхают и все «подопечные» — просто субботу сделали общим выходным. Что касается кашрута, то мясо я и дома-то ем один-два раза в неделю, так что не страдаю от его отсутствия, а с фруктами и овощами проблем нет, кроме того, беру из дома кошерные колбасы, иногда волонтеры что-то привозят.

— Культ добровольческих батальонов тебя не пугает? Не секрет ведь, что среди их бойцов есть откровенные нацисты...

— Это кажется мне довольно опасным. Но вместе с тем хочу сказать, что большинство ребят в этих формированиях — прекрасные мотивированные люди. Мы, например, тренировали батальон «Феникс» 79-й бригады — редко где встретишь таких интеллигентных солдат — от финансового аналитика до офис-менеджера — все добровольцы, всегда на передовой, никогда не были замечены в мародерстве.

Проблема в том, что есть и те, кто взял в руки оружие, руководствуясь не всегда благородными мотивами. Понятно, что год назад, когда украинской армии фактически не существовало, командование было радо любому, кто соглашался нацепить форму и уйти на фронт. В добровольческих батальонах воюют очень разные люди, среди которых есть и откровенные мародеры, и неонацисты, еще вчера избивавшие африканцев. Есть и персонажи просто с малосъедобной кашей в голове. Захожу на днях в волонтерский центр — там грузин раненый сидит, весь в наколках «Азов» и 14/88 (кодовый лозунг [белых](#) расистов, — прим. ред.). Увидел меня, кричит: *ма нишма?* (что слышно? — иврит) — я, мол, иврит учил в военной академии в Грузии, желает мне *ад меа вэ эсрим*

(до 120 лет, — иврит). Интересуюсь, а как это вообще сочетается? А я к белой расе, говорит, хорошо отношусь, черных ненавижу. Это он себя и меня считает белой расой, Гитлер бы в гробу перевернулся...

В любом случае, существование отдельных добровольческих батальонов видится мне неправильным — эти подразделения надо вливать в структуры ВСУ. Как, собственно, поступили в Израиле на заре существования государства, там ведь тоже дело почти дошло до вооруженного противостояния отдельных формирований с центральной властью, просто мотивы были другими — исключительно идеологические.

А пока, безусловно, должна быть фильтрация. Нельзя назначать комбатом человека, на котором висит пять уголовных дел, как это произошло в одном из батальонов, или принимать в «Азов» десятки бойцов из Социально-национальной ассамблеи со свастиками и шлейфом участия в деятельности боевой неонацистской организации. Есть достаточно добровольцев без темных пятен в биографии.

Что касается регулярной армии, то там проблема радикального национализма вообще не стоит. Абсолютное большинство — думаю, порядка 70% — солдат ВСУ говорит по-русски, более того, почти все они — уроженцы восточной и центральной Украины. Например, спецназ милиции Луганской области, который мы тренировали, — коренные луганчане, сбежавшие от режима ЛНР — иные из патриотизма, а многие потому, что над ними поставили людей, которых они раньше ловили, — отморожков и местный криминалитет, занявший ключевые позиции в сепаратистской иерархии. При этом, правда, нельзя забывать, что сбежало от отморожков меньшинство милиционеров, а большинство осталось...

— Немного о тех, кто остался... Известно что-то о добровольцах или наемниках на той стороне? Там ведь тоже каждой твари по паре — от крайне правых русских националистов до израильтян...

— За ДНР/ЛНР воюет огромное количество националистов и открытых фашистов, например, из РНЕ, а также казаки, родноверы и пр. Мой давний друг из Прибалтики, работающий на ИТАР-ТАСС, рассказывает, что редакторы просят его избегать в кадре черно-желто-белых имперских флагов. При том, что нацисты есть и в украинских добровольческих батальонах, их количество

несопоставимо с числом людей аналогичных убеждений, воюющих за «Русский мир».

Что касается израильтян, выступающих на стороне сепаратистов, известно, например, видео с бывшим бойцом элитного подразделения погранвойск. Из источника, проверить который не представляется возможным, слышал об израильтянине-инженере, оставившем работу и завербованном ДНР в качестве инструктора по борьбе с беспилотниками.

Но это люди пришлые, как бы они себя ни называли — добровольцами или наемниками. Важно понимать, что если с украинской стороны в той или иной форме вовлечены в конфликт множество евреев — от участия в боях до сбора пожертвований, то среди российских евреев таких значительно меньше. И это понятно, ведь погибать за «Русский мир», да еще вдали от дома, улыбается немногим, а украинские евреи просто защищают страну, в которой родились и выросли.

— Ты говорил о низком уровне подготовки ВСУ. За год войны армия чему-то научилась?

— К сожалению, немногому и ценой множества жизней. Мы приходим в Министерство обороны и просим дать возможность научить людей. Нам говорят — нет денег. Хорошо, парируем мы, — деньги найдем у спонсоров — просто легализуйте нас, мы же не можем ни с того ни с сего заявиться в ту или иную воинскую часть.

Другая проблема — низкая мотивация. Тех, кто не хочет учиться, я сразу отсеиваю. Мотивация в данном случае решает все, поэтому из добровольцев можно сделать отличную боевую единицу. Пока самый длительный наш курс — для двадцати отобранных из разных рот лучших солдат элитного подразделения — длился 2,5 месяца — это рекорд в Украине. Для сравнения: в Израиле минимальный курс подготовки обычного пехотинца — полгода.

— Ценность того, чему мы учим, осознается только в бою, — поддерживает В. товарища. — Проблема и в том, что большинство командиров подразделений сами не тренируются, боятся уронить свой авторитет, опростоволоситься — это разительно отличается от израильской армии, где каждый командир просто обязан показывать личный пример своим подчиненным, первым выполняя поставленную задачу...

Без системы это не работает, — продолжает К. — Обученные растворятся в своих частях, и слаженное подразделение так и не возникнет. Никто не хочет заниматься реформой армии, никто не готов открыть подготовительные центры, где будут не курилки охранять, а реально чему-то учиться — тактике, огневой подготовке, топографии — всему, что завтра понадобится пехотинцу в бою.

Что дальше? Не знаю, если так и не удастся достучаться до власти, плюнем на это.

— Вооруженные силы — это, кроме все прочего, и экономика — подытоживает Константин Паршин. — Зачем стране 200 000 бойцов в зоне АТО? Учитывая, что большинство из них не выполняют боевых задач (и не в состоянии их выполнить), а просто тратят ресурсы, увеличивая и без того огромную нагрузку на бюджет. Хорошо подготовленным подразделениям ни к чему быть столь многочисленными. Если, конечно, мы хотим построить современную армию, а не собирать людей в летние лагеря, объявляя очередную волну мобилизации...

Михаил Гольд, опубликовано на сайте «Петр и Мазепа»